

Список литературы

1. *Архив объединения «Ханты-Мансийсклес».*
2. *Воспоминания Калашиниковой Валентины Петровны, 1936 г. р., записаны В. М. Родионовой в 1997 г.*
3. *Воспоминания Корчагина Евстигнея Евстафьевича, 1912 г. р., записаны В. М. Родионовой в 1995 г.*
4. *Герман А. А., Иларионова Е. С. История немцев России. М.: МНСК-пресс, 2005. 600 с.*
5. *Миллер Г. Ф. Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска. 1740.*
6. *Эйхельберг Е. А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень: Вектор Бук, 1999. 151 с.*

А. П. Ярков

О «НЕМЦАХ»-ЭСТОНЦАХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье прослежены судьбы курсантов и офицеров Таллинского военно-пехотного училища, которое было эвакуировано в г. Тюмень в сентябре 1941 г.

Ключевые слова: Таллинское военно-пехотное училище, Тюмень, «таллинцы», Великая Отечественная война.

Abstract. In article destinies of cadets and officers of the Tallinn military and infantry school which was evacuated to Tyumen in September, 1941 are tracked.

Key words: Tallinn military and infantry school, Tyumen, «tallinets», Great Patriotic War.

В 2006 г. на старом Парфеновском кладбище г. Тюмени у могилы военнопленных — бывших солдат и офицеров вермахта встретились немцы Германии и России. Одна из присутствующих вспомнила, что с иными из военнопленных ей удалось в 1940–1950 гг. говорить на том немецком диалекте — *plattdeutsche*, на котором говорили в ее семье.

В воспоминаниях пленных, оказавшихся в г. Тюмени, сохранились различные детали быта, но редко — указание на плохое отношение к ним местных жителей. Очевидно, что к прибывавшим уже на «излете» войны солдатам побежденной армии отношение было иное, нежели в начале войны даже к тем, кого могли отнести к «фашистам» и немцам. В этом отношении показательна история курсантов и офицеров Таллинского военно-пехотного училища (ТВПУ), эвакуированного в г. Тюмень в сентябре 1941 г.

Судя по средствам массовой информации, порою представляется, что большая часть мужчин Эстонии в 1941–1945 гг. служила в СС и полиции, а оставшиеся были «зелеными» — лесными жителями, но с автоматами. Конечно, это не так: в РККА и партизанском подполье эстонцев почти поровну с их численностью в подразделениях (включая вспомогательные) вермахта. Из «советских» погибло 21 200, а ранено 19 600 чел. 20 042 уроженца Эстонии, в т. ч. «тюменские» воспитанники ТВПУ, удостоены звания Героя Советского Союза, награждены орденами и медалями.

С присоединением в 1940 г. Эстонии к СССР ТВПУ, как и другие военно-учебные заведения, должно было обеспечить кадрами РККА, поскольку становилось ясно, что в условиях идущей Второй мировой войны, из-за недавних репрессий, как и резкого увеличения количества воинских частей, образовался большой некомплект офицеров. Уже к середине июня 1941 г. многие из них заменены (прибывшими из других военных округов офицерами) и в значительной части репрессированы, сосланы в Сибирь. Оставшиеся «чистыми» офицеры и генералы были возведены в аналогичные ранги РККА, как например, И. Ю. Мяз. Награжденный офицерским Георгиевским крестом еще в годы Первой мировой войны, создатель артил-

лерии в Эстонских вооруженных силах (Eesti sõjavägi), он одним из первых старших офицеров Эстонии вступил в РККА.

Серьезные испытания выпали на курсантов и офицеров ТВПУ с первых недель войны. Из рассказа Н. А. Коваленко: «Я со своим отделением охранял государственную радиостанцию Эстонии. В дневное время над Таллином появлялись фашистские самолеты, летевшие в сторону Таллинской военно-морской базы. В морском порту стреляли из зенитных пулеметов, и в голубом небе видны были шапки разрывов зенитных снарядов. По ночам из окон верхних этажей зданий и чердаков, находившихся неподалеку от радиостанции, по нам стреляли эстонские националисты. Мы открывали по ним ответный огонь».

Именно в июле 1941 г. преподаватель училища капитан А. Б. Якушин и курсант В. А. Хохлов под огнем приближающихся танков противника взорвали мост, погибнув сами. В те же дни, едва успев сдать выпускные экзамены в ТВПУ, оборонял Эстонию и уроженец Тюменщины, лейтенант Ф. И. Дозорцев. С боями отступал в составе 22-го Эстонского стрелкового корпуса кадровый офицер трех армий И. Ю. Мяз, а его дочь — Валерия (вообще-то мечтавшая преподавать музыку) в качестве добровольца служила вместе с отцом. Позже — в 1974 г. отец и дочь Мяз станут одними из героев книги Б. Н. Полевого «Эти четыре года. Из записок военного корреспондента».

Состав училища в г. Тюмени усилили за счет сибиряков и уральцев, предпочитая уже имевших жизненный, а еще лучше — боевой опыт. Таким курсантом стал и воевавший в Ярвамааском истребительном батальоне и раненный под Таллином В. И. Варе (впоследствии — генерал-майор, начальник штаба Гражданской обороны Эстонской ССР).

Несмотря на разность возраста и статуса, нагрузки на курсантов и офицеров невероятны, но равны: подъем в 6 часов утра, отбой — в 23 часа. Теоретические занятия, огневая и строевая подготовка, ночные тревоги, марш-броски на большие расстояния были обычным явлением. Тональность требований во многом зависела от командиров, в т. ч. бывших офицеров Eesti sõjavägi, требовательных и дотошных по европейским меркам, что было не понятно их сослуживцам «советского разлива».

Отношение к «таллинцам» (но никак к эстонцам) несло отпечаток воздействия советской политической пропаганды начала войны, где фраза из стихотворения «Убей немца» понималась иными сибиряками как призыв к поиску «врага». Такими и воспринимали одетых в форму Eesti sõjavägi (но с нашивками РККА) курсантов ТВПУ в г. Тюмени. Иногда мальчишки забрасывали их камнями и кличками «фашисты» и «немцы».

В политической подготовке «проседали» курсанты — уроженцы Эстонии, часто плохо владевшие русским, но хорошо — немецким языком. Коммунистов-эстонцев было мало, а среди «русских эстонцев» оказалось немало «классово чуждого элемента» (в оценке коммунистов) подобных Н. В. Соловью — выпускнику Печорской православной духовной семинарии, владевшему несколькими европейскими языками. Соловей вместе с училищем эвакуирован в г. Тюмень, где, полагаем, ему приходилось скрывать свою воцерковленность.

Исходя из политической ситуации сибирские эстонцы, как, например, лейтенант М. Э. Рооз, еще в 1939 г. призванный в РККА Березовским райвоенкоматом (ныне Ханты-Мансийский автономный округ–Югра), а также знавшие эстонский язык (как лейтенант П. М. Расторгуев), вместе с выпускниками ТВПУ направлялись на Урал в распоряжение 7-й и 249-й дивизий, где шло формирование 8-го Эстонского корпуса.

Подразделения корпуса формировались из уцелевших бойцов бывшего 22-го корпуса и рабочих батальонов, так и не успевших повоевать мобилизованных, работавших на лесозаготовках на Урале и в Сибири, где смертность была высока. Их выбор в сторону фронта мог стать и способом самосохранения, особенно для бывших офицеров Eesti sõjavägi.

«Таллинцам», в т. ч. бывшему преподавателю ТВПУ, впоследствии командующему артиллерией корпуса подполковнику И. Ю. Мяэ и младшему политруку А. К. Грену (после войны видному коммунисту в Эстонской ССР) приходилось вместе с другими командирами и политработниками проводить огромную организационную работу.

Призывали в корпус и сибирских эстонцев, таких как А. Р. Саар (его сын — бригадный генерал, командующий ВВС Эстонии), который служил вместе с Х. Вазара, ставшим впоследствии известным солистом Таллинской оперетты. Как вспоминал Саар: «В формируемой национальной воинской части одно время даже не было советских уставов на эстонском языке и пользовались уставами старой эстонской армии, из остатков которой, в общем-то, Эстонский стрелковый корпус и был создан. Из той же армии были и многие офицеры, да и все команды в полку звучали тоже по-эстонски». Эстонский язык сибиряки не забыли, поскольку в сельской среде он законсервирован, а действовавшие там долгое время школы с родным языком преподавания и культурчреждения поддерживали его бытование.

Трудности, переживаемые страной в первую военную зиму, сказывались и в обеспечении солдат питанием, обмундированием, хотя оружие поступило уже в конце января 1942 г. 14 марта в 7-й дивизии приняли первую военную присягу, но и впоследствии она проводилась — шло новое пополнение. 19 апреля там уже насчитывалось 9738 эстонцев, 1414 русских, 65 евреев, 2 татарина и 8 ингерманландцев (субэтническая группа финнов, которых вообще-то должны были депортировать, призвать в Трудармию, но никак ни на фронт).

Военнообязанных эстонцев по стране выявилось больше, чем требовалось для укомплектования одной дивизии. К тому же с октября 1942 г., согласно директиве Наркомата обороны, все эстонцы и все граждане Эстонской ССР соответствующих возрастов подлежали направлению только в эстонские воинские части. Поэтому и было принято решение о формировании второй дивизии, а 6 марта ей дан номер 249 — из трех стрелковых полков и артиллерийского полка, других частей и подразделений.

Необычным для статуса дивизии было то, что находившееся в эвакуации руководство Эстонской ССР использовало ее как место сбора различных специалистов народного хозяйства, работников искусства и литературы. Они были демобилизованы и вошли во вновь созданные Государственные художественные ансамбли Эстонской ССР, работавшие в тылу и постоянно выезжавшие на фронт. Среди них оказались впоследствии народные артисты СССР Г. К. Отс и Ю. Е. Ярвет (Г. Е. Кузнецов), с начала 1942 г. призванные в эту дивизию.

Учитывая «повторность» призыва, особо требовали не допускать случаев просачивания туда «политически неустойчивых, классово-чуждых и морально разложившихся элементов, для чего весь прибывший личный состав, независимо от произведенной проверки на местах, пропустить через комиссию под Вашим председательством, с участием комиссара и представителей Военсовета округа, ПУОкра и ОО НКВД».

Опасения небезосновательны: выпускники ТВПУ встречали среди сослуживцев и родственников потенциальных дезертиров: «Далекой родней мне по матери был Колька Дмитриев, он был чисто русским, жил в Нарве, но в эстонское время поменял свою фамилию на эстонскую, — рассказывал П. Г. Герасимов. — И под Великими Луками встретились мы с ним в Эстонском стрелковом корпусе. Он тогда на повозке какой-то на лошади ехал. И он мне тогда предложил: «Давай перейдем к немцам». Я его тогда спросил: «Ты что, с ума сошел?». «Да там же жить хорошо». В общем, крепко разругались мы с ним тогда».

В момент отправки на фронт в 249-й дивизии было 964 командира, 2283 младших командира и 6988 рядовых. Эстонцами являлись 857 командиров, 2124 сержанта и 6342 рядовых; русскими — 93 командира, 131 сержант, 513 рядовых бойцов, а 10 командиров, 13 сержантов и 79 солдат были евреями. И, наконец, 10 сержантов и 48 красноармейцев — эстонские шведы,

что было «большим сюрпризом» для Швеции, придерживавшейся нейтралитета (но поставлявшей сырье и добровольцев Германии и Финляндии).

Указаны немцами воевавшие в дивизии младший лейтенант Э. А. Кох и младший сержант А. Р. Сальберг, что в условиях массовой демобилизации советских немцев из Действующей армии (и направления в Трудовые колонны) еще осенью 1941 г. удивительно!

В составе Эстонского корпуса имелась и отдельная штрафная рота, которой командовал выпускник ТВПУ Белов. Туда попадали за серьезные воинские нарушения, в том числе за «антисоветизм». Характерно, что на вопрос: «Как относились у вас ... к войне, к патриотизму?» П. Г. Герасимов отвечал: «А разное было отношение. Но были и отдельные личности. Ведь у нас в корпус призывались те, кого депортировали в 1941-м году в Сибирь, а также их родственники, которые, конечно, Россию не особенно любили. Направляли к нам и эстонцев, которые жили рядом с ... крымскими татарами, на берегу Черного моря и недалеко от Крыма. Те тоже советскую власть не особенно любили».

Конечно, эстонцы оказались в Сибири не только в 1941 г.: еще в начале XIX в. в Тюкалинском уезде Тобольской губернии возникла деревня Рыжково, куда селили лютеран, но об их этнической принадлежности и социальном статусе у ученых Прибалтики и России разные мнения. В 1861 г. на левом берегу Оми основана эстонская деревня Ревель (Viruküla), куда были подселены и участники антикрепостнических выступлений 1858 г. Появились эстонцы и в Восточной Сибири, и многие из них — в качестве «путешественников поневоле» — каторжан, питавшие к производительному труду стойкое отвращение. Лишь добровольно переселявшиеся с 1880-х гг. являли коренным сибирякам иной пример — рачительных хозяев. К 1897 г. в Сибири насчитывалось 4 082 эстонца, более 50% — в Тобольской губернии.

Перераспределение земли в Эстонии в пользу немцев привело к появлению в Сибири в начале XX в. более десятка хуторов, поселков и деревень, которым иногда давали имена, напоминавшие о покинутой родине — Эстония, Лифляндка, Оравская (Oravaküla), а созданное беженцами в 1917 г. селение именовалось только по эстонски — Уускюла (Uusküla). В отличие от других прибалтов, эстонцы (в подавляющем большинстве — крестьяне) оказались менее политизированными, а созданная в марте 1918 г. в г. Омске эстонская секция РКП(б) имела лишь 40 коммунистов, где «почти все старые товарищи и активные деятели Эстляндии». Насильственная мобилизация в армию Колчака дала эффект: «мобилизованные латыши и эстонцы положительно ненадежный элемент».

Ситуация периода Гражданской войны во многом схожа с той, в которой оказались эстонцы в годы Второй мировой войны, где репрессии сказались не только на сибиряках (ощутимо раскулаченных в 1930-х гг.), но и на самочувствии солдат, курсантов и офицеров бывшей Eesti sõjavägi, родственники которых (иные за неделю до начала Отечественной войны) оказались сосланы в сибирские области СССР.

Всего за годы войны произведено 19 выпусков «таллинцев». И воевали они везде: под Москвой и Ленинградом, в Заполярье и Прибалтике, в Белоруссии и Украине, освобождали Эстонию, штурмовали Берлин, принимали участие в завершающем этапе Второй мировой — войне с Японией. Прошли «таллинцы», как, например, А. С. Брундуков и И. Д. Воейкин в составе расчетов первого парада Победы в Москве 24 июня 1945 г. Трижды принимал участие в юбилейных парадах 9 мая на Красной площади полный кавалер ордена Славы А. П. Табаков, выпущенный из ТВПУ курсантом.

До недавнего времени считалось, что пять «таллинцев» удостоены звания Героя Советского Союза: майоры И. А. Беспалов и П. П. Молодых, курсант (впоследствии — майор внутренней службы) А. Н. Логунов, капитан И. А. Башманов, старший лейтенант М. В. Кропотков.

В процессе подготовки данного материала выявлены еще четыре «таллинца», удостоенных этого звания: лейтенанты В. А. Дышинский, Н. А. Воронцов и капитан (позднее — полковник) Ф. И. Дозорцев, лейтенант (позднее — подполковник) В. В. Самойлин. Последний был удостоен звания Героя России только в 1995 г. за подвиг, совершенный в годы войны, представленный тогда к награде, впоследствии Почетный гражданин г. Снежинск, начальник испытательной группы ВНИИТФ.

Впрочем, не только этими героями славятся «таллинцы». Рад, что до сих пор работает выпускник Таллинского военно-пехотного училища, старейший и донине действующий профессор-германист Тюменского государственного университета Г. С. Бабкин.

Иное отношение к «таллинцам», увы, в современном Таллине. Там больше чествуют «Добровольческий эстонский легион СС», ветераны которого до сих пор собираются в Синимяэ. Эти встречи освещают и российские СМИ, обвиняя Эстонию в героизации нацизма, поскольку СС признана Нюрнбергским Международным военным трибуналом преступной организацией.

В ФРГ нельзя публично демонстрировать свастику, а бывшие солдаты вермахта, в т. ч. оказавшиеся в плену в Сибири, чувствуют свою вину и ответственность за то, что происходило 70 лет назад.